

Научная статья

УДК 821.161.1-1.022“19”

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-32-41

ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ УСТАНОВКИ
РУССКОГО ИМАЖИНИЗМАИркагалиев Талгат Закарьяевич¹,
Громова Алла Витальевна²^{1, 2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,¹ talgatirkagaliev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4389-8889>² gromovaav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

Аннотация. Статья посвящена исследованию традиционалистских установок русского имажинизма — течения, принадлежавшего к авангарду, но при этом активно обращавшегося к культурным и литературным традициям. Проанализировано противоречивое отношение имажинистов к традиции, которое сочетает декларируемый разрыв с прошлым и одновременную опору на архаические формы, мифопоэтические мотивы и религиозные концепты. В работе рассматриваются ключевые аспекты имажинистского традиционализма, включая игровое использование обрядов, пародийное переосмысление классических образов, а также влияние концепции М. М. Бахтина на поэтику течения. Особое внимание уделяется сакрализации поэтического слова и фигуры поэта в творчестве имажинистов, что проявляется в их мистическом восприятии искусства и стремлении к созданию новой метафизической реальности. Подчеркивается, что традиционализм имажинистов носит не консервативный, а преобразовательный характер, направленный на модернизацию литературной парадигмы через реактуализацию традиционных элементов.

Методологическую основу исследования составляют историко-литературный и культурно-исторический подходы, а также анализ деклараций, манифестов и художественных текстов представителей имажинизма. Статья вносит вклад в понимание специфики русского авангарда, демонстрируя, как традиционалистские установки стали основой для новаторских экспериментов и предвосхищали некоторые идеи постмодернизма.

Ключевые слова: имажинизм, традиционализм, авангард, русская поэзия, карнавализация, мифопоэтика, игра.

Для цитирования: Иркагалиев, Т. З., Громова, А. В. (2025). Традиционалистские установки русского имажинизма. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(60), 32–41. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-32-41>

Original article

UDC 821.161.1-1.022“19”

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-32-41

TRADITIONALIST ATTITUDES
OF RUSSIAN IMAGINISMTalgat Z. Irkagaliev¹,
Alla V. Gromova²^{1, 2} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ talgatirkagaliev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4389-8889>² gromovaav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

Abstract. The article is devoted to the study of traditionalist attitudes of Russian Imaginism — a movement belonging to the avant-garde, but at the same time actively turning to cultural and literary traditions. The contradictory attitude of the Imagists to tradition is analyzed, which combines the declared break with the past and simultaneous reliance on archaic forms, mythopoetic motifs and religious concepts. The work examines key aspects of Imagist traditionalism, including the playful use of rituals, parodic rethinking of classical examples, as well as the influence of M. M. Bakhtin's concepts on the poetics of the movement. Particular attention is paid to the sacralization of the poetic word and the figure of the poet in the work of the Imagists, which is manifested in their mystical perception of art and the desire to create a new metaphysical reality. It is emphasized that the traditionalism of the imagists is not conservative, but transformative in nature, aimed at modernizing the literary paradigm through the reactualization of traditional elements.

The methodological basis of the study is the historical-literary and cultural-historical approaches, as well as the analysis of declarations, manifestos and artistic texts of the representatives of imaginism. The article contributes to the understanding of the specifics of the Russian avant-garde, demonstrating how traditionalist attitudes became the basis for innovative experiments and anticipated some ideas of postmodernism.

Keywords: Imaginism, traditionalism, avant-garde, Russian poetry, carnivalization, mythopoetics, play.

For citation: Irkagaliev, T. Z., & Gromova, A. V. (2025). Traditionalist attitudes of Russian imaginism. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(60), 32–41. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-32-41>

Введение

Рассмотрение любого литературного явления в исторической ретроспективе позволяет глубже понять его сущность и четче обозначить границы, поскольку «самодвижение искусства обусловлено его внутренними связями, художественными взаимодействиями и прежде всего отношением “традиция – новаторство”» (Теория литературы, 2001, с. 9).

В современной отечественной эстетике и литературоведении термины традиции и традиционализма понимаются разноречиво. Нередко под традиционализмом подразумевается следование реалистическим канонам в области художественной формы или духовно-религиозным ценностям в сфере мировоззрения. Такой вариант прочтения представлен, например, в коллективной монографии, где традиционализм интерпретируется как «направление отечественной словесности» (а именно реализм), транслирующее «традиционные ценности», к которым «апеллируют художники прямо противоположных взглядов» (Русский традиционализм, 2016, с. 7).

В другом коллективном издании традиция характеризуется как «создание национальной литературы органичного периода ее истории» (Традиционализм и модернизм в русской литературе, 2004, с. 5), ей противопоставляются модерн, авангард — «высший всплеск эпохи модерна», за которым неизбежно следует постмодерн — «посткультура»: «Авангардисты катапультировали в будущее, но без истории, без национального наследия» (Традиционализм и модернизм в русской литературе, 2004, с. 6.). Справедливо отмечая актуальность затронутой проблемы: «Разговорам о модернизме и эпохе постмодерна сейчас не хватает исторической проекции» (Традиционализм и модернизм в русской литературе, 2004, с. 5), составители сборника однозначно утверждают разрыв авангарда с традицией, не учитывая разнообразия творческой практики.

Другое понимание традиционализма — как опоры на образец — представлено в концепции стадияльного развития литературы С. А. Аверинцева. Им выделено «дорефлексивно-традиционалистское» состояние культуры, соответствующее фольклорно-мифологической стадии развития словесности, и «рефлексивно-традиционалистское», связанное с зарождением авторской литературы и упраздненное индустриальной эпохой (Аверинцев, 1981, с. 7). Рефлексивный традиционализм сознательно вступает в оппозицию к общепринятым эстетическим системам, чтобы утвердить авторскую индивидуальность — «вечно участвовать в “состязании” со своими предшественниками в рамках жанрового канона» (Аверинцев, 1981, с. 5). Именно этот фактор обуславливает (наряду с внешней силой — социальной действительностью) движение литературы: «Внутреннюю движущую силу образуют накопления изменений во внутренней организации художественного текста и в структуре образа, приходящие в противоречие с традицией» (Теория литературы, 2001, с. 6).

В. И. Тюпа рассматривает соотношение неотрадиционализма и модернизма сквозь призму ментального основания культуры: «Литература есть жизнь сознания в формах художественного письма» (Тюпа, 2018, с. 47). Автор выделяет четыре состояния человеческого духа, различающиеся ценностными установками, и соответственно четыре стадии развития искусства. В его концепции художественный неотрадиционализм отражает конвергентное, или диалогизированное сознание, модернизм — дивергентное (уединенное),

а его авангардная вариация — «альтернативность уединенных сознаний эстетического субъекта и эстетического адресата» (Тюпа, 2018, с. 55).

Современные исследователи справедливо отмечают усложнение самого понятия «традиционализм», прилагая к нему определения «неклассический» или «новый»: «Новый традиционализм, сложившийся в XX столетии, шел по пути преодоления устаревших коммуникативных навыков, авторитаристских стереотипов минувших эпох, но параллельно с этим искал формы продуктивного освоения глубинных философско-аксиологических потенций традициональности» (Скляров, 2021, с. 147).

Русский имажинизм — литературное течение, которое исследователи рассматривают как одно из проявлений раннего русского авангарда (Павловец, 2025, с. 34), однако поэты-имажинисты избрали в качестве важнейшего источника вдохновения традицию в различных ее проявлениях. В настоящей статье внимание сосредоточено на фактах продуктивного освоения имажинистами культурного наследия.

Ход исследования

Стратегии использования традиции имажинистами можно свести к нескольким ключевым направлениям. Это прежде всего игровое и пародийное переосмысление архаических ритуалов и классических текстов, а также сакрализация поэтического творчества как нового метафизического действия, призванного заменить утраченные религиозные формы.

Обращение к архаическим формам, именам и обрядам в практике имажинистов носило часто и преимущественно игровой характер. Ритуалы и нормы, почерпнутые из традиции, в значительном количестве случаев имели травестированный, пародийный тон и использовались в русле шутовской художественной стратегии. Собственно, ориентация на прошлое в данном контексте — не обязательное условие, но естественный сопутствующий принцип, поскольку именно в канонах архаики внимательные и интересующиеся широким историко-культурным материалом поэты обнаруживали первообразы и первопринципы «смеховой культуры» (Бахтин, 1979, с. 75). Концепция М. М. Бахтина помогает понять глубинную природу художественной позиции русского имажинизма: пародирование как образцов прошлого («Орден имажинистов», обряды и т. д.), так и актуальных современных норм (имажинисты пародировали даже руководство нового формирующегося советского государства, основав Центральный комитет «Ордена имажинистов»; того же типа «Общество председателей земного шара»).

Принципы карнавала у имажинистов в большинстве случаев реализуются за счет снижения пафоса, однако это не следует рассматривать как сугубо авангардистские приемы, ведь сама по себе карнавальность, как и любые

шутовские стратегии, явление не менее традиционное. Это общая черта русского поэтического авангардизма, на что указывают многочисленные исследователи, к примеру М. Я. Вайскопф в работе «Во весь логос: религия Маяковского» (1997) или Х. Баран в сборнике «О Хлебникове. Контексты, источники, мифы» (2002). В частности, М. Я. Вайскопф, говоря о богоборческих мотивах у Маяковского, отмечает в его творчестве «снижение великого и священного до малого и земного», восходящее к средневековой массовой культуре (Вайскопф, 2003, с. 348), а А. Я. Гуревич увидел в средневековом гротеске «парадоксальное сочетание высшей благости с крайней жестокостью» (Гуревич, 1981, с. 89). Склонность имажинистов к травестии отвечает установкам традиционной средневековой культуры. Таким образом, травестия, один из важнейших художественно-стилистических приемов поэтики имажинизма, имеет глубокие традиционные корни и обнаруживает прообразы во всех историко-культурных формациях, что осознавали и сами имажинисты.

Имажинисты указывали на свои корни и традиционные предпосылки в декларативной и манифестарной форме. А. Н. Захаров собрал и перечислил примеры подобных связей: «...имажинистскими они считали “Песнь песней”, говорили, что имажинизм идет “от образного зерна первых слов через загадку, пословицу, через “Слово о полку Игореве” и Державина к образу национальной революции» (Захаров, 2005, с. 12). Имажинизм, как отмечалось в совместном заявлении «Ассоциации вольнодумцев», это «не формальное учение, а национальное мировоззрение, вытекающее из глубины славянского понимания мертвой и живой родины» (Русский имажинизм, 2005, с. 13). Имажинист Иван Грузинов полагал, что традиции поэтики группы следует искать «в языке летописей, Прологов и Патериков»: «...ближе всего нам древнерусский книжный язык, словесность докантемировской эпохи» (Русский имажинизм, 2005, с. 13). В своем «Романе без вранья» А. Б. Мариенгоф подчеркивал, что при формировании «Ордена имажинистов» поэты обсуждали необходимость «возрождения большого словесного искусства “Песни песней”, “Калевалы” и “Слова о полку Игореве”» (Мариенгоф, 2013, с. 507). Эти и многие другие примеры указывают на чрезвычайное внимание имажинистов к вопросу приобщения к традиции, к реактуализации доклассических форм словесности и древних литературных памятников и жанров.

Важный аспект — мифологическое, даже мистическое художественное восприятие имажинистов. Так, Мариенгоф выступал за синтез реализма и мистицизма: «Телесность, осязательность ... говорит о реалистическом фундаменте имажинистской поэзии. Опускание же якорей мысли в глубочайшие пропасти человеческого и планетного духа — о ее мистицизме. <...> Ибо в конечном счете всякий мистицизм (если это не чистейшее шарлатанство) — реален и всякий реализм (если это не пошлейший натурализм) — мистичен» (Мариенгоф, 1920, с. 34). Традиционная установка на сочленение в едином восприятии реализма и мистицизма была единой для большинства имажинистов.

Еще одной существенной традиционалистской установкой русского имажинизма становится подход к организации текста. Так, В. Г. Шершеневич настаивал на том, что стихотворная строка должна быть «завершена по форме и содержанию» (Шершеневич, 1920, с. 8). На это же указывал и А. Б. Мариенгоф: «Целое прекрасно только в том случае, если прекрасна каждая из его частей» (Мариенгоф, 1920, с. 25). Этот подход соотнобразуется с важнейшим принципом имажинистской поэтической формы — равенством всех образов («толпа образов», «каталог образов»). Поэтические тексты имажинистов принципиально неиерархичны, избавлены от стройности, последовательности и даже единства. Самостоятельность отдельных образов и строк — явление вполне традиционное для домодерновой словесности. Здесь имажинисты (как и во многих других случаях) частично наследуют поэтам-футуристам. О той же проблематике в отношении В. В. Маяковского писал М. Я. Вайскопф, ссылаясь на работы Р. О. Якобсона: «...Автономность частей — такая же принадлежность средневекового мифопоэтического мышления, как и их символическое единство и взаимосоотнесенность» (Вайскопф, 2003, с. 350). Относительная независимость стихотворных частей произведения присуща самым разнообразным формам доклассической словесности и обнаруживается имажинистами, к примеру, в любимой ими соломоновой «Песни песней». Таким же традиционным для домодерновой словесности является свойственное имажинизму многоплановое изображение действительности, сочетание нескольких уровней выражения и, соответственно, восприятия (Южакова, 2024, с. 62).

Традиционализм имажинистов выражается и во внимании к вопросам сакрального порядка. «Левые» имажинисты — Мариенгоф и Шершеневич — активно используют богоборческие и богохульные мотивы в духе средневековой карнавальной культуры, однако их диалог с Богом не прекращается никогда, — он всегда находится в центре их художественного внимания. «Правые» имажинисты — первоначально Есенин и Кусиков — считают себя верующими людьми и оригинальным образом выражают собственную религиозность. Так, Есенин пишет в письме Г. Панфилову: «Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие...». Во время учебы в Университете им. А. Л. Шанявского Есенин, как отмечает А. Н. Захаров, активно интересовался разными религиями и мифологическими системами (Русский имажинизм, 2005, с. 69). Кусиков же выражал в стихах особую синтетическую религиозность, совмещавшую в едином убеждении христианские и исламские догмы: «Полумесяц и Крест, / Две Молитвы, / Два Сердца, / (Только мне — никому не дано) / В моей душе христианского иноверца / Два Солнца, / А в небе одно» (Кусиков, 1920, с. 12).

Поэты-имажинисты были далеки от ортодоксального восприятия религиозности (что, надо отметить, было практически невозможно в их эпоху и в их среде), однако в поэтическом взгляде и в житетворчестве всегда хранили ощущение мистерии и испытывали интерес к обрядовым действиям.

Обряд для поэтов-имажинистов в их житнетворчестве и авангардистском эпатаже всегда означает прежде всего приобщение к тайне поэзии: будь это масонский ритуал в пьесе А. Б. Мариенгофа «Заговор дураков. Трагедия», или дионисийская мистерия в пьесе В. Г. Шершеневича «Вечный жид», или коронование Велимира Хлебникова, «помазание имажинизмом». Эта установка, с одной стороны, традиционная в качестве сакрализации поэтического слова и действия, а с другой — модернистская (и эта ипостась более существенна), так как в данном случае речь идет о сверхценности искусства, об исключительной важности эстетизма, так как все другие формы сакрального травестируются и пародируются в целях утверждения неироничной значимости «посвящения в поэты». Традиционалистская установка в рамках имажинистского эстетизма переосмысливается и приводит к сакрализации фигуры поэта (в качестве медиума, пророка или даже демиурга — Бога), — и это главное для имажинистов (Иркагалиев, 2024, с. 74).

Несмотря на гетеродоксальность и еретический характер мыслей о религии, религиозности и мистике, имажинисты выступают не рядовыми еретиками, но ересиархами. Поэты «Ордена» не только занимаются «дежурным» для атеистической эпохи богохульством, но и утверждают новый метафизический порядок через перераспределение ролей (в частности, посредством активной сакрализации роли поэта) и продолжая символистскую мотивную линию предвосхищения Третьего завета (Кулешова, 2024, с. 205). Ключ к обновлению, как следует из мифопоэтики имажинизма, заключается в обращении к традиции, но не в рабском принятии ее буквы, а в оживлении ее духа через реактуализацию традиционных практик и установок.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выявить основные стратегии работы имажинистов с культурной традицией, которые заключаются в сознательной селекции архаических и доклассических элементов с последующей их творческой трансформацией путем пародийного снижения, игровой травести и интеграции в новый эстетический контекст.

Следовательно, традиция в поэтической системе имажинизма выполняла не репродуктивную, а продуктивную функцию, выступая катализатором новаторских поисков и средством конституирования новой художественной метафизики, где демиургическая роль отводилась поэту.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что русский имажинизм, при всей его декларируемой авангардной радикальности и эпатажной риторике разрыва с прошлым, в своей художественной практике представляет собой традиционалистское явление. Однако этот традиционализм носит не консервативный, а рефлексивно-преобразовательный характер: он направлен

не на воспроизведение готовых форм, а на их реактуализацию, пародийное переосмысление и включение в новый художественный контекст.

Имажинисты сознательно опирались на архаические пласты культуры, мифопоэтические мотивы, религиозные концепты и карнавалы традиции, видя в них источник обновления поэтического языка. Игровое использование обрядов и сакрализация фигуры поэта свидетельствуют о глубокой укорененности имажинизма в культурной традиции, которую они не отрицали, но стремились трансформировать.

Таким образом, русский имажинизм правомерно рассматривать как одно из течений модернизма, которое использует авангардные стратегии (эпатаж, манифестарность, формальный эксперимент) для решения модернистских задач: обновления художественного языка через диалог с традицией, поиска новых метафизических оснований искусства и утверждения сверхценности творческого акта. Их традиционализм стал не препятствием, а катализатором новаторства, предвосхитив многие черты позднейшей поэтики, вплоть до постмодернистской игры с культурными кодами.

Список источников

1. *Теория литературы*. Т. 4. Литературный процесс. (2001). Ю. Б. Борев (Гл. ред.). ИМЛИ РАН: Наследие.
2. *Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия*. Монография. (2016). Н. В. Ковтун (Отв. ред.). Флинта: Наука.
3. *Традиционализм и модернизм в русской литературе*. (2004). Г. В. Майер (Гл. ред.). Томский государственный университет.
4. Аверинцев, С. С. (1981). Древнегреческая поэтика и мировая литература. *Поэтика древнегреческой литературы* (с. 3–14). Наука.
5. Тюпа, В. И. (2018). *Литература и ментальность*. 2-е изд. Юрайт.
6. Скляр, О. Н., & Молдавская, О. Е. (2021). Концепт «традиционализм» в контексте исторической поэтики и современного литературоведения. *Гуманитарные исследования*, 3(79), 142–146.
7. Павловец, М. Г. (2025). *Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX – начало XXI века*. Издательский дом Высшей школы экономики.
8. Бахтин, М. М. (1979). *Проблемы поэтики Достоевского*. Советская Россия.
9. Вайскопф, М. Я. (2003). Во весь логос: религия Маяковского. *Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов* (с. 343–487). Новое литературное обозрение.
10. Гуревич, А. Я. (1981). *Проблемы средневековой народной культуры*. Искусство.
11. Захаров, А. Н. (2005). Русский имажинизм: предварительные итоги. *Русский имажинизм: История, теория, практика* (с. 11–27). ИМЛИ РАН.
12. *Русский имажинизм: История, теория, практика*. (2005). В. А. Дроздова, А. Н. Захарова, Т. К. Савченко (Ред.). ИМЛИ РАН.
13. Мариенгоф, А. Б. (2013). *Собрание сочинений*: в 3 т. Т. 2. Кн. 1. Проза; Мемуары. Книжный Клуб Книговек.
14. Мариенгоф, А. (1920). *Буйн-остров. Имажинизм*. Имажинисты.
15. Шершеневич, В. (1920). $2 \times 2 = 5$. *Листы имажиниста*. Имажинисты.

16. Южакова, Ю. А. (2024). Особенности мировосприятия С. А. Есенина, отраженные в его поэтическом языке. *Мир русского слова*, (1), 55–63.
17. Кусиков, А. (1920). *Коевангелиеран*. Б. и.
18. Иркагалиев, Т. З. (2024). «Поэт» и «Бог» в пьесе В. Шершеневича «Вечный жид». *Art Logos (искусство слова)*, 4(29), 59–77.
19. Кулешова, О. В. (2024). Осмысление христианства в эмигрантском творчестве Д. С. Мережковского (на примере романа «Лютер»): традиция и ее преодоление. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, (4), 201–212.

References

1. *Theory of Literature*. Vol. 4. Literary Process. (2001). Yu. B. Borev (Chief Ed.). IMLI RAS: Heritage. (In Russ.).
2. *Russian traditionalism: history, ideology, poetics, literary reflection*. A Monograph. (2016). N. V. Kovtun (Ed.). Flint: Science. (In Russ.).
3. *Traditionalism and modernism in Russian Literature*. (2004). G. V. Mayer (Ed.). Tomsk State University. (In Russ.).
4. Averintsev, S. S. (1981). *Ancient Greek poetics and world literature. Poetics of ancient Greek literature* (p. 3–14). Nauka. (In Russ.).
5. Tyupa, V. I. (2018). *Literature and mentality*. 2nd ed. Yurajt. (In Russ.).
6. Sklyarov, O. N., & Moldavskaya, O. E. (2021). The concept of «traditionalism» in the context of historical poetics and modern literary criticism. *Gumanitarny'e issledovaniya*, 3(79), 142–146. (In Russ.).
7. Pavlovets, M. G. (2025). *Neo-avant-garde in Russian-language poetry: the second half of the 20th – early 21st century*. Izdatel'skij dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki. (In Russ.).
8. Bakhtin, M. M. (1979). *Problems of Dostoevsky's poetics*. Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
9. Weisskopf, M. Ya. (2003). *In full logos: Mayakovsky's religion. Troika bird and the chariot of the soul: Works of 1978–2003* (p. 343–487). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
10. Gurevich, A. Ya. (1981). *Problems of Medieval Folk Culture*. Iskusstvo. (In Russ.).
11. Zakharov, A. N. (2005). *Russian Imagism: Preliminary Results. Russian Imagism: History, Theory, Practice* (p. 11–27). IMLI RAS. (In Russ.).
12. *Russian Imagism: History, Theory, Practice*. (2005). V. A. Drozdov, A. N. Zakharov, T. K. Savchenko (Eds.). IMLI RAS. (In Russ.).
13. Mariengof, A. B. (2013). *Collected works: in 3 vols. Vol. 2. Book 1. Prose; Memoirs*. Book Club Knigovok. (In Russ.).
14. Mariengof, A. (1920). *Buyan Island. Imagism*. Imazhinisty'. (In Russ.).
15. Shershenevich, V. (1920). $2 \times 2 = 5$. *Imagist sheets*. Imazhinisty'. (In Russ.).
16. Yuzhakova, Yu. A. (2024). Features of S. A. Yesenin's worldview reflected in his poetic language. *World of the Russian Word*, (1), 55–63. (In Russ.).
17. Kusikov, A. (1920) *Koevangelieran*. W. p. (In Russ.).
18. Irkagaliyev, T. Z. (2024). «The Poet» and «God» in V. Shershenevich's Play «The Eternal Jew». *Art Logos (искусство слова)*, 4(29), 59–77. (In Russ.).
19. Kuleshova, O. V. (2024). Understanding christianity in the emigrant works of D. S. Merezhkovsky (based on the novel «Luther»): tradition and its overcoming. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, (4), 201–212. (In Russ.).

Информация об авторах

Талгат Закарьяевич Иркагалиев — аспирант департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Алла Витальевна Громова — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Talgat Z. Irkagaliev — Postgraduate Student of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Alla V. Gromova — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interest.